

Ю.Геллер.

САШКА

Этого мужчину Сашка заметил давно. Странные они какие-то все эти отдыхающие. Смотрят на ребят сочувственно, вздыхают. А стоит подойти поближе, сейчас же: "Мальчик, отойди пожалуйста! Нечего тебе тут делать!". Или молча смотрят так, что сам уйдешь. Сашка чувствовал, что этот от всех чем-то отличался. Вот уже несколько дней он приходит сюда, на облюбованную Сашкой лужайку, молча сидит на стволе и смотрит, как Сашка играет. Или гуляет где-нибудь неподалеку по тропинке над Окой. Сашка уходит и он тоже.

Сегодня воскресенье и Сашка с утра на лужайке. Сейчас на ней никого нет. Солнце поднялось высоко и стало тепло. Сашка сбросил пальтишко в траву, нашел спрятанный вчера прут, напоминавший виденную им на рисунках саблю, и превратился в красного кавалериста, скачущего по степи. Потом скакать надоело. Сашка сел на пенек и задумался.

Особо сложных мыслей у него не было. Всю свою мальчишью жизнь Сашка знал только детдом. Причем, не один детдом, а три.

В том, в первом детдоме, где он провел большую часть своей жизни, он хорошо запомнил воспитательницу тетю Зину, совсем молодую темноволосую женщину, привязался к ней. Он чувствовал, что тетя Зина отличала его от всех, всегда купала его, приносила апельсины, яблоки, конфеты, не давала обижать.

Один раз, когда тетя Зина болела, Сашку хотела купать нянечка. Сашка не дался. Он сражался, как гладиатор, и его оставили в покое. Через два дня тетя Зина повела его в ванную. Она весело смеялась, растерла Сашку не казенным вафельным, а своим мохнатым полотенцем, целовала его в нос, уши и шею. Это были первые поцелуи, которые Сашка помнил в жизни. И хотя он, как и положено шестилетнему мужчине, уворачивался от ласки, горячая любовь и благодарность навсегда вошли в его маленькое сердечко.

Потом случилось нечто для Сашки непонятное. Тетя Зина несколько дней не ходила на работу и Сашка напрасно каждое утро выбегал на дорожку и ждал ее. Она пришла неожиданно, днем, перед мертвым часом. Сашке сказали, что его ждет тетя Зина, и он побежал вниз. Тетя Зина плакала. Сказал: "Ничего у нас не получается с тобой, Сашок!". Поцеловала его несколько раз, дала сетку с апельсинами и костюмчик, еще раз поцеловала и сказала: "Иди!". И сама быстро ушла. Сашка непонимающе смотрел ей вслед. Пиджак от костюмчика и сейчас был на Сашке, а брючки он износил.

Больше тетя Зина в детдом не приходила. Однажды Сашка робко спросил у нянечки где она. "Где, где" - почему-то зло ответила та - "Вышла замуж и уехала! Ясно?" И еще что-то пробормотала про себя. Сашке ничего не было ясно. И он ждал. Он ждал и сейчас, хотя уже понимал, что тетя Зина забыла его. Просто ему больше некого и нечего было ждать.

В том детдоме Сашка затосковал. Раза два, чтобы никто не видел и не слышал, он тайком плакал в спальне в подушку. И стал совсем плохо есть. Его перевели в другой детдом. Сашка долго ехал в поезде и смотрел в окно не отрываясь.

В новом детдоме он как-то не освоился, с воспитательницами и ребятами не сходилась, но зато пристрастился к рисованию. Рисуя, он забывал обо всем. И еще - научился читать. Сам, по кубикам с азбукой. Читал и запоминал сказки и стихи.. Особенно ему нравились "Песнь о Вещем Олеге" и "Бородино".

Уже в первом классе Сашка пошел в школьную библиотеку и попросил что-нибудь про князей Олега и Игоря и про Бородино. Ему дали учебник истории для четвертого класса. То, что он там прочел, было потрясающе интересно.

В сказках он читал о добрых и злых царях, а в учебнике говорилось, что все цари были плохие, потому их и прогнали. Он узнал, что есть разные страны и большие города. Города Сашка видел только на картинках. Все детдома, в которых он был, находились далеко от городов. Сашку с уважением называли "ленинградец". Теперь Сашка узнал, что в Ленинграде прогнали царя и это называлось "Революция", что на Ленинград напали фашисты, а Ленинград их побил.

Учиться во втором классе Сашку почему-то перевели в новый детдом. И здесь ему стало совсем плохо. Он был новенький и какой-то неприспособленный, беззащитный. В одном классе с ним учился Васька Пузырев, по прозвищу "Дрына". Учиться Дрына не хотел, потому и сидел в свои пятнадцать лет в одном классе с девятилетним Сашкой. Сашку Дрына невзлюбил и измывался над ним, как мог. Дрына в классе был самым старшим и самым сильным, ребята его боялись и заступиться за Сашку было некому.

Дней десять назад Дрына отобрал у Сашки за обедом из второго кусок мяса, который дали вместо обычных котлет. Воспитательница заметила:

- Пузырев! Положи обратно!

Дрына вернул отобранное, а вечером остановил Сашку около спальни.

- Лягавить вздумал?

- Я не лягавил! - ответил Сашка.

Дрына со всех сил стукнул его в ухо. Сашка упал, ударился о плинтус и не мог никак подняться. Потом, держась за стенку, встал и пошел по коридору. В умывальной он посмотрел в зеркало. Ухо покраснело и вспухло, из царапин

сочилась кровь. Чтобы успокоить боль, Сашка несколько раз ополоснул ухо холодной водой. За этим занятием и застала его нянечка.

- Это кто ж тебя так?

- Я упал - сказал Сашка.

В медпункте ему намазали ухо йодом.

Когда Сашка пришел в спальню, Дрына спросил:

- Что, опять пожаловался?

- Нет.

Сашка быстро разделся и лег в кровать. Ухо сильно болело, он никак не мог заснуть и тихо стонал.

Вчера Сашке дали новые чулки, но Дрына отобрал их и взамен дал свои рваные. Нога у Дрыны была больше и Сашкины чулки не налезали, но Дрына их все равно не вернул.

Сашка старался всячески избегать Дрыну. С уроков, с обеда до ужина, с ужина и до сна, он бежал в библиотеку (Дрына в нее никогда не ходил, он даже слова такого не знал) или сюда, на отдаленную лужайку. Здесь он рисовал. Игрушек у Сашки не было отроду. Книги и тетрадь были его единственным развлечением. Но вчера вместе с чулками Дрына отобрал и тетрадь. Сашка тяжело вздохнул, понурился и побрел по лужайке, обдумывая, как из школьных тетрадей выделить одну для рисования.

Беда пришла неожиданно. Кто-то вдруг толкнул Сашку, он упал и, вскочив, увидел перед собой Дрыну и еще нескольких ребят.

- Ты чего на дороге мешаешься? - угрожающим шепотом сказал Дрына и шагнул к Сашке.

- Не надо! Не бей, пожалуйста! - попросил Сашка.

Дрына все-таки ударил. От резкой боли в глазу Сашка закрыл лицо ладонями и наклонил голову, ожидая следующего удара. Но его не последовало. Подняв голову, Сашка увидел, что тот мужчина взял Дрыну за шиворот и резко, наотмашь, ударил по щеке ладонью. Дрына растянулся на траве.

- Ты чего дерешься? - спросил он вызывающе.

Мужчина подошел, взял его опять за шиворот, поднял и еще раз ударил, по другой щеке. Потом отпихнул в траву.

- Взрослым не говорят "ты" - спокойно сказал он.

Дрына отполз в сторону и поднялся.

- Из тебя вырастет фашист, сказал мужчина - потому что слабых обижают только фашисты. И приятели твои хороши! Смотрят молча, как бьешь маленького. Таким подонкам, как ты нельзя давать спуску!

- А пусть не лезет - буркнул Дрына, приготовившись бежать.

- Никто к тебе не лез, сам знаешь - сказал мужчина - И, к тому же ты еще и трус. Над слабым издеваешься, а перед сильным трусишь. Настоящий подонок!

Ребята молча наблюдали происходящее.

- Идем, малыш! - сказал мужчина. Сашка подобрал пальтишко и пошел следом.

Евгений Петрович впервые был в санатории. Раньше не приходилось. Стоял мягкий, теплый подмосковный сентябрь. Дыхание осени еще не коснулось приокских лесов. После завтрака Евгений Петрович шел в лес, медленно бродил по тропинкам, подолгу смотрел на Оку, на речные трамваи и очень редкие буксиры, шедшие по ней. Другие суда здесь не ходили.

Недалеко от санатория, за лесом, был детдом. Утром дети тянулись ручейком в село, в школу. После уроков играли на своей спортплощадке. Иногда подходили к санаторию смотреть на отдыхающих, просили разрешения покататься на лодке.

Однажды на лужайке, в стороне от лесных тропинок, Евгений Петрович увидел Сашку. Худенький, с длинной цыплячьей шейкой, мальчонка сидел на пне и самозабвенно рисовал. Сашка сначала не заметил Евгения Петровича, скрытого тенью леса, а когда заметил, испуганно взглянул на него и, как-то нерешительно, стал собираться уходить. Евгений Петрович решил уйти сам. Он повернулся и пошел в глубь леса. Часа через полтора он вернулся. Сашка по-прежнему был на полянке. Только теперь он играл в какую-то игру и полз по траве, изображая не то разведчика, не то индейца.

С того раза Евгений Петрович каждый день приходил к лужайке и бродил вокруг нее. И каждый раз заставал там Сашку. Мальчишка явно сторонился других ребят. Не с жалостью, а с каким-то другим чувством, наблюдал Евгений Петрович за Сашкой, смотрел его игры. Он понял, что жизнь и судьбу мальчика покaleчила война. Эта мысль заставила Евгения Петровича каждый день приходиться на лужайку. Прошло три года с конца войны, а он еще каждый день думал о ней, не мог забыть ее страшное дыхание.

Отец его, ленинградский врач, умер в двадцать пятом году, заразившись на обходе больных тифом. Жить на зарплату матери было невозможно, и Евгений Петрович пошел работать. Только через несколько лет ему удалось поступить в институт. Почти все годы учебы он подрабатывал репетиторством. В тридцать пятом, в год окончания института, умерла мать. В тридцать шестом Евгений Петрович женился на молоденькой чертежнице, своей сослуживице. А на следующий год родилась Леля и в семье стало две Лели - мать и дочь. Жили дружно и очень весело.

В первый же день войны Евгений Петрович пошел в военкомат. Его призвали и направили на службу по специальности - в Управление Инженерных войск Северо-Западного фронта, находившееся в Ленинграде. Надев гимнастерку с двумя кубиками, Евгений Петрович по-прежнему жил дома, только допоздна, иногда сутки-двое, задерживаясь на работе.

В тот страшный осенний день Евгению Петровичу позвонили на работу и попросили срочно приехать домой. Когда он приехал, обе его Лели уже были

извлечены из-под обломков и лежали на асфальте. Леля маленькая закрывала переломанными окровавленными ручками лицо. Кто-то рядом сказал, что они не мучились, их убило сразу.

Все дальнейшее происходило в каком-то тумане. Евгений Петрович не отрываясь смотрел, как приехавшие сослуживцы положили их обеих в один гроб и руки Лели большой положили на Лелю маленькую. Мать и дочь обнялись навечно. В оцепенении он стоял перед маленьким холмиком на Пискаревском кладбище и только поздно ночью пришел в Управление.

Через месяц он добился перевода на фронт, в дивизионный инженерный батальон и воевал в нем до конца своей военной службы. В феврале сорок четвертого, когда их дивизия была переброшена в Карелию, Евгения Петровича тяжело ранило. Засыпанного землей и снегом его нашла санитарка, выволокла из огня и довезла до медсанбата. Вскоре он оказался в госпитале в Ленинграде.

Летом Евгений Петрович стал капитаном запаса. Сказались ранения, да и сердце чего-то подвело. Выйдя из госпиталя и получив ордер на пустовавшую комнату, он пытался не сдаться, наладить жизнь сначала. Но страшные приступы безысходной тоски, наваливавшиеся на него каждый вечер, расшатывали в нем всякую веру в себя.

Как-то, зайдя в Управление, Евгений Петрович встретил своего бывшего командира, полковника, назначенного руководителем большого гражданского строительства в Москве. Они разговорились. Зная невеселую историю Евгения Петровича полковник предложил ему поехать работать в Москву.

Евгений Петрович подумал и согласился. Перед отъездом постоял около камня над могилой свих Лель, и перебрался в Москву.

Жил и хозяйствовал он один. Жениться Евгений Петрович не стал. Две Лели, лежащие на асфальте у разрушенного дома, навсегда запечатлелись в его глазах. Он не мог и не хотел их забыть.

Казалось бы с трудом, но жизнь налаживалась. Однако прошлое вновь напомнило о себе бедой. Весной сорок седьмого Евгений Петрович заболел. Подвело сердце. Пролежав почти два месяца в госпитале, он вышел из него инвалидом первой группы. Пенсию ему сначала назначили около двухсот пятидесяти рублей, потом, признав инвалидом войны, добавили еще двести. Эти деньги составляли весь бюджет. Жить стало туговато. Спасибо, не забывали сотрудники и бывший командир. Когда позволяло здоровье, Евгений Петрович делал на строительстве кое-какую аккордную работу, чем добавлял к строгому бюджету значительную толику.

Летом сорок восьмого года местком сумел выделить Евгению Петровичу профсоюзную путевку со скидкой на сентябрь в подмосковный санаторий. Вот он и оказался на Оке.

Идя с Сашкой через лес к детдому, Евгений Петрович спрашивал себя, правильно ли он сделал, предотвратив столь решительным способом избиение малыша великовозрастным дылдой. И оглядываясь на Сашку, ковылявшего за ним не отнимая рук от распухшего глаза, решил - правильно.

Около ручья Евгений Петрович остановился.

- У тебя есть платок, малыш?

Сашка отрицательно повел головой. Евгений Петрович достал свой платок, смочил в ручье и приложил к Сашкиному глазу.

- Ну держи! Тебя как зовут?

- Сашка - очень тихо ответил Сашка.

- Александр, значит! А ты молодец, что не реवेशь! Мужчине это ни к чему. Пойдем, покажи мне ваше расположение!

Входя в кабинет заведующей детдомом, Евгений Петрович еще не знал, о чем он будет говорить. Просто он решил спросить о Сашке.

- Сашок? Он у нас ленинградец! - сказала заведующая - Нашли его, закутанного в одеяло, на улице, около замерзшей женщины. Это было в январе сорок второго. Никаких документов при нем не было. Сидел он молча, видимо устал плакать. Врачи определили тяжелую форму дистрофии. По Ладоге эвакуировали под Казань. Там в детдоме его вернули к жизни, спасли. Определили, что ему два с половиной года. О себе он знал только, что его зовут "Саса". Вот и все.

Листая Сашкино дело, заведующая рассказала о тете Зине. "Ее надо бы осудить, да что поделаешь - вышла замуж за офицера-летчика. Он отговорил усыновить Сашку. Сказал, что свои будут. Мы поэтому всегда настаиваем, чтобы воспитатели относились ко всем детям ровно. Особенно, к маленьким". Перемену детдома заведующая объяснила необходимостью сменить обстановку. Но в том, втором детдоме, не было средней школы. "Сашка - мальчик талантливый. Решили перевести его в детдом, где есть десятилетка. Вот он и оказался у нас. Он здесь недавно и еще не освоился".

- Я хочу усыновить Сашку! - вдруг, неожиданно даже для себя, сказал Евгений Петрович.

Проводив Евгения Петровича в кабинет заведующей, Сашка сел на стул и решил дожидаться его во что бы то ни стало. Однако планы его разрушила медсестра. Увидев распухший Сашкин глаз и сердито выговаривая, что из-за неумной беготни можно совсем остаться слепым, она отвела его в медпункт и сделала перевязку.

Настало время обеда. Сашка с тоской подумал, что придется за одним столом сидеть рядом с Дрыной. И опять Дрына будет колоть вилкой руки, наступать на ноги, не даст взять хлеб. Как избежать этого Сашка не знал. И он вообще не пошел обедать.

Решив, что Евгений Петрович уже ушел, Сашка проскочил по двору и выбежал в лес. Он долго колесил вокруг "своей" лужайки и по берегу, но нигде никого не было. Устав, он присел на пологом откосе под берегом и незаметно заснул.

Проснулся Сашка оттого, что захотел пить. Он вскочил и тут же, схватившись за голову, сел обратно. Дал себя знать глаз. Разболелась голова. Сашка вспомнил все свои беды и медленно побрел по дороге к детдому.

Первой, кого Сашка увидел во дворе детдома, была заведующая.

- Сашок! Ты почему не обедал? - спросила она.

- Не хотелось. Голова болит. - ответил Сашка, попытавшись улыбнуться.

- Так не годится! Иди на кухню и скажи, чтобы тебя накормили! Ты сделал уроки?

- Да, вчера.

- Иди покушай и ложись. Завтра после обеда зайдешь ко мне!

На кухне Сашка прежде всего напился. Под неодобрительным взглядом поварахи поковырялся в первом и втором. Сказал, что больше не хочет, съел кисель и пошел в спальню. В ней никого не было. Сашка разделся и юркнул в постель.

Разбудил его Дрына, щелкнув по голове. Сашка открыл один глаз (второй был завязан) и, узнав мучителя, закрыл его обратно.

- Эй, ляга, вставай! - сказал Дрына - Посчитаться надо!

- Отстань! - ответил Сашка, не открывая глаза.

- Ты думаешь я тебе лежачему не врежу? - ехидно сказал Дрына - Как двину сейчас, живо встанешь!

В спальне на мгновение установилась тишина.

- Отстань от Сашки! - вдруг сказал один из ребят. Дрына резко обернулся.

- Это кто еще по сопатке захотел? - зашипел он "по-блатному".

- Я!

- И мы тоже!

Трое мальчишек подошли к Сашкиной койке. Дрына быстро оценил положение. Обстановка складывалась явно не в его пользу. И он решил сманеврировать.

- Не бойтесь, лежачего не трону! А завтра посчитаемся!

- Ты большими не грозись! У нас свои большие есть! А к Сашке больше не приставай!

- С лягавыми, значит! Ссучились, гады! - злобно сказал Дрына, отошел к своей кровати, сел на нее и стал грязно материться.

- Не пугай! - сказал тот же парень - Тоже еще блатной нашелся! Сам ты сука м трус! А будешь гундосить - сейчас по шее наложим!

Что правда, то правда. Дрына был трус и драться не решился. Сашка понял, что видно не одному ему насолил Дрына.

Евгений Петрович пришел в детдом во вторник к вечеру. Прервав свой отдых на неделю раньше, он съездил в Москву, добыл часть документов, необходимых для усыновления, и вернулся обратно. Хотелось увидеть Сашку.

Он понимал, что теперь семейный бюджет натянется до предела. В Москве он побывал в своем бывшем учреждении и договорился о нескольких аккордных работах в течение года. "У меня болезнь идет на убыль - думал Евгений Петрович - через год-два смогу работать по настоящему. Выращу Сашку! Не может быть, чтобы не вышло!" Уехать, бросить Сашку, было выше его сил. Он об этом даже не думал.

В детдоме Сашки не оказалось. Заведующая сказала, что он гуляет где-нибудь перед ужином и попросила Евгения Петровича не говорить Сашке ничего, пока вопрос не решится официально.

Евгений Петрович направился к Сашкиной лужайке. Ну конечно, Сашка был там. Положив пальтишко на пенек, он сидел на нем, подогнув под себя ногу, и о чем-то задумался.

Сашка боялся Евгения Петровича. Незажившая до сих пор травма, нанесенная тетей Зиной, будила в нем недоверие к ласковому отношению взрослых и их заступничеству. Он старался поменьше обращать на себя внимание, держаться в стороне от воспитателей, от взрослых. И все-таки ему было не по себе.

Слова "папа" и "мама" были для Сашки, когда он научился говорить, ничего не значащими понятиями. Став старше и научившись читать, Сашка стал смутно догадываться о том, что такое семья. На его памяти было несколько случаев, когда родители находили своих детей и приезжали за ними в детдом. Тогда это был праздник, невольным участником которого становился Сашка.

То, что у него нет ни мамы, ни папы, что он круглый сирота, это Сашка уяснил вполне. Он не ждал, что его кто-нибудь найдет. Он только надеялся, что тетя Зина вдруг вспомнит о нем и возьмет его к себе. Сашка мечтал об этом. Если бы тетя Зина забрала его, он делал бы все, чтобы не быть ей в тягость.

О Евгении Петровиче Сашка старался не думать, но мысли снова и снова возвращали его к этому странному дяде, к присутствию которого он привык за месяц и который так здорово за него заступился. Узнав, что Евгений Петрович уехал, Сашка даже обрадовался. Но что-то оказалось нарушенным в его настроении. Слишком много струнок оказались задетыми. Бедный малыш, сам того не понимая, он опять начал надеяться.

- Саш! - позвал Евгений Петрович.

Сашка вскочил. Он растерялся. Он боялся поверить в то, что Евгений Петрович вспомнил о нем и приехал. И эта боязнь, недоверие сковывали его движения, связывали речь.

- Здравствуйте! - сказал он коротко и тихо.

- Здравствуй! Что это ты, как еж, все иголки выставил? А я к тебе в гости приехал. Можно? - спросил Евгений Петрович.

- Можно... - ответил Сашка.

Они медленно пошли по тропинке через лес. Евгений Петрович спрашивал Сашку о жизни в детдоме, об учебе, о воспитателях. Сашка все также тихо односложно отвечал.

Во дворе несколько ребят играли в "петушки". Заложив руки в карманы и прыгая на одной ножке, они старались толкнуть друг друга так, чтобы заставить встать на обе ноги. Победителем считался тот, кто устоял на одной ножке.

- Сашка! Иди играть! Мы не будем сильно толкаться - прозвучало несколько голосов.

Его первый раз звали играть. Смущенно улыбнувшись, Сашка заложил руки в карманы пальтишка и запрыгал на одной ножке, стараясь увертываться от наиболее сильных толчков. Это было каким-то облегчением. Сашка не знал, как себя вести и о чем говорить с Евгением Петровичем.

Когда Сашка поскакал, Евгений Петрович впервые обратил внимание на его одежду. Пальтишко и брючки были худые-худые и в двух-трех местах не очень аккуратно залатанные. Когда-то коричневые, не по ногам большие, ботинки превратились в какие-то неопределенного вида и цвета опорки, затянутые вместо шнурков веревочками. Другие ребята тоже были одеты не бог весть как шикарно, но Сашка был одет хуже всех. При мысли о том, что в таком пальтишке Сашка должен проходить осень и зиму, Евгению Петровичу стало как-то нехорошо. Он окликнул Сашку.

- Вот поедem в Москву, купим тебе пальто, костюм и ботинки. А то обносился ты, малыш!

Сашка задрожал.

- Ничего мне не нужно! - с яростью отчаяния сказал он - Ты только не забудь меня, дядя! Не забудь! И я буду знать, что у меня есть кто-то. А если нет - то не надо! Ты лучше тогда забей меня!

Внезапный, отчаянный порыв Сашки обнажил душу мальчугана. У Евгения Петровича перехватило горло и он не смог сразу ответить. Сев на скамью, Евгений Петрович подтянул к себе Сашку и обнял его.

- Что ты говоришь, малыш! Я не из тех, кто забывает - хрипло сказал он и стал обеими руками гладить Сашку по волосам - нет у меня в жизни таких правил!

Евгений Петрович уже не помнил, как ему удалось уговорить заведующую отдать Сашку на пару дней. Сначала заведующая отказывалась, не желая срывать учебу. Но потом они договорились. Через два-три дня Евгений Петрович должен был привезти Сашку обратно и доставить все недостающие

документы. Их передадут куда-то для решения об усыновлении. Никаких препятствий к такому решению не было и заведующая согласилась.

За ужином она объявила, что у Сашки нашелся папа и забирает его домой. У всех детей это вызвало довольно бурную и радостную реакцию. И только Сашка молчал. Он боялся поверить.

Никаких вопросов по дороге на станцию и в электричке он не задавал. Молча смотрел на пробежавшие в темном окне огоньки и, время от времени, потирал ладонями лицо - движение, очевидно, характерное для него, когда он волновался. Евгений Петрович, как ни старался, но расшевелить Сашку в поезде не смог.

И только у самой Москвы Сашка стал интересоваться окружающим. Как-никак ему предстояло открытие огромного города, о котором он столько читал и слышал, но ни разу не видел, даже в кино. Что бы то ни было, а Москва становилась реальностью, и он с трепетом ждал момента, когда ее можно будет увидеть.

Вокзальная площадь оглушила его шумом автомобилей, троллейбусов и трамваев. В метро, крепко держась за руку Евгения Петровича, он все же сумел ощупать поручень эскалатора и автоматические двери вагона. Вертя головой, осматривал станции. Заглянул в туннель, посмотреть на подходящий и уходящий поезд. Даже тихий переулочек, где жил Евгений Петрович, вызвал восхищение. Он был асфальтирован, а асфальта Сашка не видел никогда.

Квартира, в которой жил Евгений Петрович, была двухкомнатной. В одной комнате жил он сам, в другой - бывший сослуживец с женой. Квартира была неплохой, с газом, с ванной и телефоном. Сашке она показалась дворцом. Ведь это Дом! Дом! Его, Сашкин, Дом! Он раздел пальтишко в передней и пошел в комнату. Лампа с оранжевым абажуром, кровать, тахта, этажерка с книгами, стол, четыре стула и кресло составляли всю ее обстановку.

Сашка аккуратно сел на тахту.

- Давай, малыш, сначала быстренько искупаемся, потом перекусим и ляжем спать. Уже поздно и ты устал - сказал Евгений Петрович.

- Ладно - ответил Сашка и стал раздеваться.

Евгений Петрович уже видел, что Сашкина одежонка оставляла желать много лучшего, но когда дело дошло до чулок, он даже ахнул. Грязные, с дырами во всю ступню до щиколоток, они непонятно как держались на ногах и не выскакивали из ботинок.

- Дрына отобрал у меня новые чулки - сказал Сашка - а другие новые мне не дали.

Евгений Петрович улыбнулся.

- Не беда! Мы раздобудем чулки - сказал он - пойдем мыться!

Через полчаса, в рубаше, трусах и брюках Евгения Петровича Сашка ужинал. Евгений Петрович постелил ему кровать, потом поднял на руки, перенес и помог раздеться. Закрывшись с головой одеялом, Сашка повернулся к стене.

- Спи, сынок! - сказал Евгений Петрович - завтра пойдем с тобой смотреть Москву!

Всю Сашкину одежду Евгений Петрович вытащил на кухню. По холостяцкой своей привычке он и сам мог неплохо орудовать иголкой и стирать. Однако понял, что одному не справиться и позвал соседку. Она подштопала и постирала белье, рубашку и брюки. Евгений Петрович почистил и погладил пиджачок, пальтишко и особенно долго трудился над ботинками, чтобы придать им какой-нибудь приличный вид. Когда соседка ушла, он до двух часов ночи гладил брючки и рубашонку.

А Сашка не спал. Он по-прежнему был в полном смятении. Чистая и мягкая, не пахнувшая детдомом постель, необычная обстановка, внезапный переход от лужайки, где он мечтал и обдумывал свои горести, к Москве, к Дому, казались ему фантастическими, нереальными. Он боялся думать, что так теперь будет всегда.

Сашка слышал, как Евгений Петрович и соседка обсуждали и приводили в порядок его одежду. Как Евгений Петрович, кончив работать, вошел в комнату, тихо постелил себе на тахте и разделся. Прежде чем лечь спать, он подошел к кровати, поправил и подоткнул одеяло и осторожно погладил Сашку. Сашка физически ощутил мужскую, отцовскую, скупую ласку.

И он поверил! Схватив обеими руками большую руку Евгения Петровича, он срывающимся голосом попросил:

- Посиди около меня немножко! Можно? Посиди! Я сейчас засну!

И заснул, подложив под щеку руку Евгения Петровича.

Утром, пока Сашка еще спал, Евгений Петрович, одолжив у соседки пятерку, сбегал в магазин и купил Сашке чулки, шнурки и резинки. Когда Сашка оделся, его подштопанный, выстиранный и выглаженный костюм вызвал у Евгения Петровича чувство какой-то болезненной тоски. Он, как бы в полный голос, говорил, насколько несчастливо и худо до сих пор приходилось Сашке в жизни.

А сам Сашка был счастлив. Он стал детально исследовать комнату, стараясь выяснить назначение незнакомых предметов. Увидев на этажерке фотокарточку, он спросил: "Кто это?".

На фотографии была Леля большая. Это была случайная любительская карточка, лежавшая в кармане Евгения Петровича в тот самый день. Других семейных фотографий не было - они погибли.

- А это - твоя мама! - Евгений Петрович говорил тихо и Сашка сразу понял его волнение - Она погибла в Ленинграде.

В то, что Евгений Петрович заберет его из детдома насовсем, Сашка поверил окончательно. Но назвать его "папой" не мог. Слишком святым оказалось это слово для девятилетнего Сашки. Сначала он называл Евгения Петровича "дядей", а потом предпочитал безличное обращение. Но, глядя на

пожелтевшую карточку молодой, счастливо улыбавшейся женщины, он не усомнился в том, что она - действительно его, Сашкина, мама. Он знал, что она погибла в Ленинграде, и это было самым веским доказательством.

Когда с Евгением Петровичем они к вечеру пришли усталые домой обедать и Евгений Петрович вышел на кухню хозяйничать, Сашка долго смотрел на фото и, оглянувшись на дверь, погладил его.

После обеда Сашка получил неожиданный для себя подарок - настоящий альбом для рисования и набор цветных карандашей. Он открывал и закрывал альбом, гладил обложку и бумагу. Высыпал на стол и стал вкладывать обратно в коробку карандаши, мастерски очиненные Евгением Петровичем. Сразу захотелось рисовать, но Евгений Петрович сказал, что после солидного дневного похода нужно отдохнуть. Сашка нехотя согласился. А когда лег - сразу уснул. Усталость взяла свое.

Проснулся Сашка в полной темноте и не сразу сообразил, где находится. Потом постепенно пригляделся и вспомнил. Евгений Петрович спал на тахте. Сашка взял альбом и карандаши, тихо выскользнул на кухню, зажег свет и сел за кухонный стол, положив на него альбом.

Впечатлений от Москвы было много. Но главными оказались тихий переулок и дом, в котором Сашка жил. Когда рисунок был уже почти готов, переулок и тенистые деревья, прикрывавшие дом, получились такими, какими хотелось их видеть, Сашка заметил стоявшего за спиной Евгения Петровича и смутился.

- А у тебя талант, Сашок! - сказал Евгений Петрович - верный глаз и твердая рука! Да ты не смущайся, я ведь тоже к этому делу склонность имел. Но ничего, видишь, не вышло. А ты будешь учиться - выйдет! Должно выйти!

Назавтра, сняв с книжки все, что было (в основном деньги за последнюю аккордную работу), Евгений Петрович повел Сашку на Кировскую в Детский Мир. В ЦУМ Сашка шел уже в новом костюмчике, рубашке и туфлях, неся в обеих руках пакет со старой одеждой и коробку с башмаками. Детский Мир и ЦУМ доконали Сашку и впечатлениями и шумом. Особенно, отделы игрушек. Ведь игрушки он, в общем то видел впервые. От шума у Сашки разболелась голова. Он с каким-то безразличием отнесся к покупке зимних ботинок, пальто и ушанки.

Едва они вышли из ЦУМа на свежий воздух, Сашка вдруг позеленел и его стошнило. Евгений Петрович заволновался, в такси держал Сашку в полулежачем состоянии. А когда доехали до дома, на руках донес его, уложил в постель и вызвал врача.

Врач сказал, что ничего страшного - переутомление. И посоветовал денек полежать.

И вот, третий день своего пребывания в Москве, Сашка лежал. Напрасно он уверял Евгения Петровича, что здоров. Тот был непреклонен. Это было настолько обидно, что Сашка даже не смог рисовать.

Моросил холодный промозглый дождь. Не верилось, что еще вчера было тепло и солнечно. Сашка в своем новом одеянии холода не ощущал, но пал духом и зябко поеживался, когда они с Евгением Петровичем ехали в электричке в детдом. Евгений Петрович сказал, что они в тот же день поедут обратно.

Приехали они к обеду. Завхоз обрадовала Евгения Петровича, сказав, что вопрос об усыновлении Сашки решился без дополнительных документов. Но не было заведующей. Она уехала, и без нее никто не мог выдать Сашкиных бумаг.

Евгений Петрович и Сашка, когда кончился дождь, побродили по лесу. Сашка поужинал, а заведующей все не было. Боясь за Сашку, Евгений Петрович уговорил его лечь спать. Сказал, что дождется заведующей, а назавтра к обеду приедет за ним и заберет его совсем. Сашка, хотя и здорово устал, послушался с большой неохотой.

Евгений Петрович стал ждать. Он чувствовал какое-то недомогание, но особого внимания на это не обратил. Посчитал, что пройдет. Прождав бесполезно еще некоторое время, Евгений Петрович решил уехать, предупредив, что назавтра приедет за Сашкой и за всеми бумагами.

В Москву Евгений Петрович добрался поздно ночью. В такси ему стало совсем плохо. Шофер и сосед вынесли его из машины и донесли до тахты. Соседка вызвала неотложку.

И только Сашка был у него на уме. Он взял слово с соседки, что назавтра же она съездит за Сашкой и присмотрит за ним. Пока он сам болеет. Дал ей деньги на продукты, попросил приготовить обед.

Приехавший врач определил острый приступ сердечной недостаточности, сделал уколы и Евгений Петрович уснул. Врач сказал соседям, что дело очень серьезное, вызвал "Скорую", чтобы отправить Евгения Петровича в больницу, попросил подежурить около него, следить, чтобы не двигался.

Через час после отъезда врача приступ повторился и прибывшая "Скорая" констатировала смерть.

А Сашка ждал. Из детдома никуда не уходил и перед обедом несколько раз выбегал смотреть на дорогу. Положив руки в карманы пальто, без шапки, он до ночи сидел во дворе, и только заведующая сумела уговорить его пойти спать. Заснул он под утро, с трудом встал, еле-еле позавтракал и снова занял пост на дороге.

Соседку Евгения Петровича Сашка узнал сразу и заподозрил неладное. Он дал ей пройти и следом за ней вошел в дом. Соседка долго была у заведующей, а Сашка сидел напротив двери. Открылась дверь и они вышли обе.

По их лицам Сашка понял, что его подозрения оправдались, что случилось что-то очень плохое. Он встал и ждал, что ему скажут. Спрашивать он боялся.

- Сашок! Собирайся! Мы едем в Москву - сказала заведующая.

- Я давно собрался - ответил Сашка.

Он опять съежился и затаился. Не хотел, чтобы ему объясняли. Он рвался в Москву к Евгению Петровичу. Там он выяснит, в чем дело.

На вокзале в Москве соседка сказала заведующей:

- Домой мы не успеем. Едемте прямо туда...

Над порталом дома, к которому подъехало такси, Сашка прочитал надпись: "Кафедра патологической анатомии". Они обошли дом, вошли во двор, а затем в какое-то помещение. В нос ударил резкий и неприятный запах. В помещении было много людей и все они, как по команде, посмотрели на вошедшего Сашку. Но его не интересовало ничто. С ужасным напряжением Сашка сделал несколько шагов... и мир перестал для него существовать.

Сашка узнал Его и понял, почему Он не приехал...

Из крематория Сашка с заведующей и соседкой поехали домой.

Нет! Не домой!

Сашка знал, что уедет опять в детдом, что нужно только забрать вещи. Он не двигался и смотрел прямо перед собой. Его пытались расшевелить, что-то говорили, а он молчал.

Вот сейчас он последний раз войдет в комнату, которая за всю его жизнь целых три дня была его настоящим домом, в которой жил ставший самым дорогим ему на Земле человек. Войдет и уйдет. Он только посидит на тахте...

Когда все вещи были собраны и завязаны в сверток, Сашка встал с тахты, подошел к этажерке, взял фотографию Лели и положил в карман пиджака. Медленно нагнулся, достал альбом и карандаши. Потом опять сел на тахту. Заведующая что-то ласково и осторожно говорила ему. Но он ничего не слышал.

И, хотя лучи заходящего солнца щедро заливали комнату светом, Ему казалось, что он сидит в темноте.

1956 г.